

УДК 343.9

И.М. КЛЕЙМЕНОВ,

кандидат юридических наук, главный консультант

Управление конституционных основ уголовной юстиции

Конституционного Суда РФ, г. Санкт-Петербург

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ СТАНДАРТЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ, ИХ РЕАЛИЗАЦИЯ В АНТИКОРРУПЦИОННОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИИ

На основе анализа конвенций, ратифицированных Россией, характеризуются международно-правовые стандарты противодействия коррупции в России, оцениваются возможности их реализации в антикоррупционном законодательстве России.

Международно-правовые стандарты противодействия коррупции определены рядом конвенций: Конвенция ООН против коррупции от 31 октября 2003 г. [1], Конвенция Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию от 27 января 1999 г. [2], Конвенция Совета Европы «Об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности» от 8 ноября 1990 г. [3]; Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности [4]; Конвенция Совета Европы о гражданско-правовой ответственности за коррупцию от 4 ноября 1999 г. [5]; Межамериканская конвенция о борьбе с коррупцией, принятая Организацией американских государств от 29 марта 1996 г. [6]; Конвенция о борьбе с коррупцией, затрагивающей должностных лиц Европейских сообществ или должностных лиц государств-членов Европейского Союза, принятая Советом Европейского Союза 26 мая 1997 г.; Конвенция о борьбе с подкупом иностранных должностных лиц при проведении международных деловых операций, принятая Организацией экономического сотрудничества и развития 21 ноября 1997 г. [7]; Конвенция Африканского союза о предупреждении коррупции и борьбе с ней, принятая главами государств и правительств Африканского союза 12 июля 2003 г.

Первые четыре конвенции ратифицированы Российской Федерацией, поэтому их положения требуют имплементации в российскую правовую материю. Положения остальных конвенций

целесообразно учитывать как полезные рекомендации, направленные на создание эффективного антикоррупционного законодательства.

Конвенции устанавливают следующие стандарты противодействия коррупции:

1. Проведение последовательной государственной антикоррупционной политики. Государство разрабатывает и осуществляет или проводит эффективную и скоординированную политику противодействия коррупции, способствующую участию общества и отражающую принципы правопорядка, надлежащего управления публичными делами и публичным имуществом, честности и неподкупности, прозрачности и ответственности.

2. Приоритет мер, направленных на предупреждение коррупции. Следует периодически проводить оценку соответствующих правовых документов и административных мер с целью определения их адекватности с точки зрения предупреждения коррупции и борьбы с ней.

3. Комплексный подход в противодействии коррупции, включающий формирование и использование антикоррупционного потенциала различных отраслей права.

4. Формулирование четкого и развернутого понятийного аппарата: это определение коррупции, субъектов коррупционных правонарушений, активного и пассивного подкупа и др.

5. Признание предметом взятки (подкупа) преимуществ нематериального характера (льготы,

услуги и пр.), в том числе предоставленных для иного физического или юридического лица.

6. Введение ответственности за участие в коррупции иностранных публичных должностных лиц или международных гражданских служащих.

7. Строгое следование принципам равенства всех перед законом, правовой регламентации деятельности государственных органов, законности и гласности такой деятельности, государственного и общественного контроля за ней, восстановления нарушенных прав и законных интересов физических и юридических лиц, ликвидации и предупреждения вредных последствий коррупционных правонарушений, признания допустимости ограничений прав и свобод государственных должностных лиц, а также приравненных к ним лиц в случаях, предусмотренных законом, установления запрета для государственных должностных лиц и лиц, приравненных к ним, на занятие предпринимательской деятельностью, в том числе на занятие оплачиваемых должностей в органах управления хозяйствующих субъектов.

8. Оптимизация кадровой работы, в том числе надлежащие процедуры отбора и подготовки кадров для занятия публичных должностей, которые считаются особенно уязвимыми с точки зрения коррупции, и ротации в надлежащих случаях кадров на таких должностях; установление справедливых окладов с учетом уровня экономического развития государства-участника; осуществление образовательных и учебных программ, с тем чтобы такие лица могли удовлетворять требованиям в отношении правильного, добросовестного и надлежащего выполнения публичных функций, а также обеспечение им специализированной и надлежащей подготовки, чтобы углубить осознание ими рисков, которые сопряжены с коррупцией и связаны с выполнением ими своих функций.

9. Создание системы контроля за действиями лиц, занимающих публичные должности. Максимальное сужение поля субъективного усмотрения для должностных лиц при принятии решений.

10. Стимулирование сообщений о коррупционных правонарушениях, защита лиц, обращающихся в официальные органы с такими сообщениями.

11. Криминализация отмывания доходов от преступлений, связанных с коррупцией; подкупа иностранных публичных должностных лиц и должностных лиц публичных международных организаций; незаконного обогащения, то есть значительного увеличения активов публичного должностного лица, превышающего его законные доходы, которое оно не может разумным образом обосновать.

12. Установление уголовной ответственности юридических лиц.

13. Разработка и применение кодексов или стандартов поведения для правильного, добросовестного и надлежащего выполнения публичных функций.

14. Создание публичного реестра юридических и физических лиц, участвующих в учреждении юридических лиц, управлении ими и их финансировании; легализация возможности лишения по решению суда или с помощью других надлежащих способов на разумный период времени лиц, осужденных за коррупционные преступления, права занимать должности руководителей юридических лиц, зарегистрированных в пределах их юрисдикции; закрепление национального реестра лиц, лишенных права занимать должности руководителей юридических лиц.

15. Совершение публичных закупок и управления публичными финансами на основе прозрачности, конкуренции и объективных критериев принятия решений.

16. Принятие процедур или правил, позволяющих населению в надлежащих случаях получать информацию об организации, функционировании и процессах принятия решений публичной администрации. Упрощение административных процедур для облегчения публичного доступа к компетентным органам, принимающим решения.

17. Опубликование информации, которая может включать периодические отчеты об опасностях коррупции в публичной администрации.

18. Содействие прозрачности в деятельности частных организаций, в том числе меры по идентификации юридических и физических лиц, причастных к созданию корпоративных организаций и управлению ими.

19. Предупреждение возникновения коллизии интересов путем установления ограничений (в надлежащих случаях и на разумный срок) в

отношении профессиональной деятельности бывших публичных должностных лиц или в отношении работы публичных должностных лиц в частном секторе после их выхода в отставку или на пенсию, когда такая деятельность или работа прямо связаны с функциями, которые такие публичные должностные лица выполняли в период их нахождения в должности или за выполнением которых они осуществляли надзор.

20. Содействие активному участию отдельных лиц и групп за пределами публичного сектора – гражданское общество, неправительственные организации и организации, функционирующие на базе общин, – в предупреждении коррупции и борьбе с ней и для углубления понимания обществом факта существования, причин и опасного характера коррупции, а также создаваемых ею угроз.

21. Создание эффективного правового противодействия отмыванию денежных средств.

22. Использование института конфискации в борьбе с коррупцией. Принятие мер, которые могут потребоваться для обеспечения возможности конфискации: доходов от коррупционных преступлений или имущества, стоимость которого соответствует стоимости таких доходов; имущества, оборудования и других средств, использовавшихся или предназначавшихся для использования при совершении коррупционных преступлений.

23. Возможность установления требования о том, чтобы лицо, совершившее преступление, доказало законное происхождение предполагаемых доходов от преступления или другого имущества, подлежащего конфискации.

24. Обеспечение эффективной защиты от вероятной мести или запугивания в отношении свидетелей, экспертов и потерпевших, которые дают показания в связи с коррупционными преступлениями, и в отношении их родственников и других близких им лиц.

25. Нейтрализация последствий коррупционных деяний и компенсация ущерба.

26. Возмещение убытков, причиненных публичными государственными органами и иными органами власти гражданину или юридическому лицу в результате незаконных действий (бездействия), в том числе вследствие издания правового акта, не соответствующего закону.

27. Создание органов, специализирующихся на борьбе с коррупцией с помощью правоохранительных мер.

28. Недействительность сделок, связанных с коррупционными преступлениями.

29. Международное сотрудничество в сфере борьбы с коррупцией, в том числе возвращение в страны происхождения активов, полученных в результате коррупции. Страны должны разрабатывать свои законы с таким расчетом, чтобы они допускали взаимную правовую помощь в интересах сотрудничества с государствами, расследующими случаи коррупции.

30. Совершенствование законодательства по противодействию коррупции в контексте мер по борьбе с организованной преступностью.

Россия последовательно реализует международные стандарты противодействия коррупции в антикоррупционном законодательстве. Противодействие коррупции признано приоритетным направлением национальной политики. Разработаны и осуществляются Национальная стратегия противодействия коррупции и Национальный план противодействия коррупции на 2010–2011 гг. Приняты Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции», Федеральный закон от 17.07.2009 № 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов». Внесены соответствующие коррективы в Федеральный закон от 21.07.2005 № 94-ФЗ «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд», Федеральный закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации», Федеральный закон от 02.03.2007 № 25-ФЗ «О муниципальной службе в Российской Федерации» и другие федеральные законы.

Определены центральные органы Российской Федерации, ответственные за реализацию положений Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции от 31 октября 2003 г., касающихся взаимной правовой помощи. Разработаны и утверждены: Положение о комиссиях по соблюдению требований к служебному поведению федеральных государственных служащих и урегулированию конфликта интересов;

Положение о проверке достоверности и полноты сведений, представляемых гражданами, претендующими на замещение должностей федеральной государственной службы, и федеральными государственными служащими, и соблюдения федеральными государственными служащими требований к служебному поведению; Типовое положение подразделения по профилактике коррупционных и иных правонарушений кадровой службы федерального государственного органа.

Утвержден Перечень должностей федеральной государственной службы, при назначении на которые граждане и при замещении которых федеральные государственные служащие обязаны представлять сведения о своих доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, а также сведения о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера своих супруги (супруга) и несовершеннолетних детей. Утверждены Правила и методика проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов. Пакеты нормативных правовых актов приняты федеральными органами государственной власти, субъектами Российской Федерации, муниципальными образованиями.

Однако реализация некоторых международно-правовых стандартов противодействия коррупции в антикоррупционном законодательстве России остается проблематичной. Речь идет о криминализации незаконного обогащения. Конвенция ООН против коррупции от 13 октября 2003 г. в ст. 20 устанавливает: «При условии соблюдения своей конституции и основополагающих принципов своей правовой системы каждое государство-участник рассматривает возможность принятия таких законодательных и других мер, какие могут потребоваться, чтобы признать в качестве уголовно наказуемого деяния, когда оно совершается умышленно, незаконное обогащение, то есть значительное увеличение активов публичного должностного лица, превышающее его законные доходы, которое оно не может разумным образом обосновать».

А.И. Алексеев полагает, что рекомендация Конвенции ООН о возможности признания незаконного обогащения преступлением (в том виде, в котором оно сформулировано в ст. 20) не может быть принята как противоречащая Конституции

РФ. Криминализация в национальном законодательстве незаконного обогащения означала бы возложение на обвиняемого (подозреваемого) в преступлении бремени доказывания, что в силу ч. 2 ст. 49 Конституции РФ недопустимо. В соответствии с КоАП РФ (ст. 1.5) презумпция невиновности распространяется и на административно-правовые отношения, в частности лицо, привлекаемое к административной ответственности, не обязано доказывать свою невиновность [8].

По замечанию одного из самых авторитетных российских ученых в области уголовного права Н.Ф. Кузнецовой, конституциям и уголовно-процессуальному законодательству государств мира известны и презумпция невиновности, и бремя доказывания, и право не свидетельствовать против себя. Однако ООН предлагает внести в уголовные кодексы положение ст. 20, рассматривая его как эффективное средство борьбы с коррупцией и организованной преступностью. Ряд государств сделали для таких тяжких преступлений, как терроризм, коррупция, легализация преступных доходов, организованная преступность, исключение из названных конституционных предписаний. Успех от такого исключения из правил превзошел все самые благоприятные прогнозы. Поэтому следует законодательно оговорить исключения из правила о бремени доказывания. Так, было сделано исключение для судопроизводства по делам о терроризме: коллегии присяжных в них не участвуют. Исключения в законе обоснованны, если они интенсифицируют борьбу с преступностью, когда правила этому не очень способствуют. Исключения должны применяться к делам о терроризме, коррупции, легализации преступных доходов и создании преступных сообществ, включая транснациональные, как они определены в ратифицированной Россией Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности [9].

Впрочем, Н.Ф. Кузнецова формулирует и неблагоприятный прогноз в отношении имплементации ст. 20 Конвенции ООН в УК РФ. Трудно надеяться на то, что конфликт общественных и корпоративных интересов будет решен на законодательном уровне в пользу первых. Попытки разрешить этот конфликт даже путем заведомых уступок коррупционерам ни к чему не привели. К таким попыткам можно отнести предложение

В.Н. Боркова дополнить УК РФ нормой следующего содержания: «Статья 290.1. Коррупционное обогащение.

1. Превышение должностным лицом своих активов, а равно активов близких родственников над законными доходами в значительном размере – наказывается...

2. То же деяние, совершенное в крупном размере, – наказывается...

Примечание. Значительным размером превышения активов над законными доходами признается сумма, составляющая тридцать миллионов рублей, а особо крупным размером – сто миллионов рублей» [10].

Как видим, автор предлагает «простить» коррупцию ценой до 1 млн долл. США (по курсу ЦБ на 7 октября 2010 г.), но даже такое великодушие вряд ли будет по достоинству оценено законодателями. Корпоративное сознание еще не изжило психологический комплекс первоначального накопления капитала, в котором количество денег имеет заведомый приоритет над средствами их приобретения, а презумпции эффективно используются в целях легализации доходов, полученных незаконным путем. И закон может быть поставлен на службу антиобщественным и даже заведомо криминальным интересам – ведь именно на почве злоупотребления законом расцвело рейдерство.

Время диктует необходимость обеспечить использование юридического инструментария в конструктивных целях, а не для защиты интересов коррупционеров. Именно так следует понимать рекомендацию Группы государств против коррупции (ГРЕКО), в которую Россия вступила 1 февраля 2007 г., рассмотреть возможность введения в уголовное законодательство конфискации *in rem* [11].

Под конфискацией *in rem* понимается конфискация, применяемая в случаях, когда лицо по тем или иным причинам (смерть подозреваемого, обвиняемого, его уклонение от уголовного преследования и т.д.) невозможно привлечь к уголовной ответственности либо когда уголовное преследование прекращено по нереабилитирующим основаниям, но при этом имеются доказательства того, что имущество такого лица приобретено в результате актов коррупции. Названный вид кон-

фискации позволяет также изымать имущество осужденного за коррупционные преступления, когда его размер явно не соответствует законным источникам доходов этого лица и имеются обоснованные подозрения, что оно нажито преступным путем, в частности за счет коррупции. Введение такого правового института предполагает перенос бремени доказывания законности происхождения имущества на заинтересованное лицо.

Как показывает международный опыт, конфискация *in rem* оказывается эффективной мерой в противодействии коррупции и организованной преступности.

По итальянскому законодательству конфискации подлежит все имущество (недвижимое, движимое, денежные средства, акции и кредитные обязательства), которым преступник «может обладать, прямо или косвенно, когда его стоимость находится в диспропорции с заявленными доходами или осуществляемой экономической деятельностью или когда на основании достаточных улик имеются мотивы считать, что оно является следствием противозаконной деятельности». Установлено, что для принятия решения о конфискации достаточно косвенных улик, а не прямых доказательств. Бремя доказывания необоснованности судебного решения о конфискации возложено на самого подозреваемого, который может оспорить это решение в судебном порядке. Если апелляция не подается или отклоняется судом, конфискованное имущество передается государству. В 1996 г. в Италии специальным законом было введено в действие положение, согласно которому некоторые виды конфискованного имущества могут быть переданы коммуна и использованы на социальные цели: под офисы, школы, игровые площадки, парки развлечений, информационные центры и другие объекты, управляемые непосредственно администрацией коммуны. К таким объектам относятся, в частности, организации, занимающиеся вопросами социальной помощи и профилактики, лечения недееспособных или наркозависимых лиц. Кроме этого в стране были созданы специальные консорциумы для решения вопросов использования конфискованных у мафии земельных участков. Данные участки передаются в пользование сельскохозяйственным кооперативам, где производят экологически чистую продукцию под маркой «Стерилизовано

законом». Итальянские исследователи считают, что изъятие имущества у криминальных кругов является сильным ударом по мафиозной организации: по их данным, некоторые осужденные мафиози готовы были провести в тюрьме еще 10 лет, чем лишиться своей собственности в результате конфискации [12].

«Мне могут возразить (и уже возражали), – пишет Ю.В. Голик, – что Конституция гласит: «Никто не может быть лишен своего имущества иначе как по решению суда» (ч. 3 ст. 35). Совершенно правильно! Вот только не надо забывать, что Конституция говорит о своем имуществе, то есть том имуществе, которым собственник владеет, пользуется и распоряжается на законном основании. Если же он имуществом пользуется и распоряжается, но не может подтвердить законность его происхождения (купить не позволяют доходы, наследства и подарков не получал, в лотерею не выигрывал, а на дороге найти такое просто невозможно), значит, он им не владеет и собственником не является. Должно действовать правило: либо объясни и докажи свое право на имущество, либо отдай и не греши. Все просто и ясно» [13].

Однако это ясно «простым» гражданам, которые вынесли чувство социальной справедливости еще из своего опыта советской жизни и не представляют всей сложности законодательного процесса в случае попытки принятия нормативного правового акта, угрожающего благополучию «корпорации» богатых людей. Что же касается законодателей, то они весьма проблематично оценивают возможность введения в российское уголовное законодательство норм о конфискации *in rem*.

Первого июня 2010 г. в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации Комитетом по безопасности, Комитетом по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству, Комиссией по законодательному обеспечению противодействия коррупции проведен круглый стол на тему «О реализации рекомендации Группы государств против коррупции (ГРЕКО) по вопросу введения в уголовное законодательство Российской Федерации понятия конфискации *in rem*». Участники круглого стола, предложив учесть высказанные при обсуждении вопроса предложения, пришли к

такому выводу: «Вопрос о возможности введения в российское уголовное законодательство норм о конфискации *in rem* требует тщательной проработки, в ходе которой следует проанализировать и учесть мировой опыт, а также наилучшую практику применения указанного правового института, а также рассмотреть возможность проведения в Российской Федерации обширной экономической амнистии. В целом данный вопрос целесообразно рассматривать в качестве плановой задачи совершенствования законодательства Российской Федерации» [14]. Одним словом, реализация рекомендаций ГРЕКО откладывается на неопределенный срок.

В плане противодействия коррупции вызывает тревогу процесс модернизации уголовного законодательства в сфере экономики, концепция которой разработана Центром правовых и экономических исследований, Институтом современного развития (ИНСОП). По мнению авторов концепции, в стране сложился правопорядок, при котором ведение предпринимательской деятельности влечет за собой автоматическое попадание в группу риска: предприниматель постоянно рискует потерей собственности и личной свободы в результате безосновательного привлечения к уголовной ответственности. Нынешний Уголовный кодекс, даже в сравнении с ранее действовавшим, является в некоторых аспектах чрезмерно репрессивным. Вместе с тем недопустимо абстрактные формулировки, унаследованные Уголовным кодексом от законодательства советского периода, позволяют использовать его положения для искусственной криминализации нормальной хозяйственной деятельности. Что происходит в результате: по численности заключенных на душу населения Россия многократно превосходит практически все развитые страны (за исключением, пожалуй, США). За последние 16 лет осуждено более 15 млн человек – формально каждый девятый [15; 16].

Приведенные декларации чрезвычайно спорные. Во-первых, заявление о том, что в стране сложился правопорядок, при котором любой предприниматель постоянно рискует потерей собственности и личной свободы в результате безосновательного привлечения к уголовной ответственности равнозначно утверждению о тотальном произволе со стороны следственных

и судебных органов в отношении лиц, совершающих экономические преступления, что элементарно не соответствует действительности. Латентность экономических преступлений настолько высока, что уголовно-правовые риски для экономических преступников (тех, кто реально совершает преступления в экономической сфере, а не просто занимается предпринимательством) не превышают 1:7 [17] (и это, как представляется, очень осторожная, скорее, заниженная оценка). В этой связи чрезвычайно характерно замечание руководителя Администрации Президента РФ С.Е. Нарышкина: «В результате известных просчетов с выбором стратегии приватизации, одной из форм институциональных издержек российской приватизации можно считать то, что богатства многих олигархических структур, ныне занимающих лидирующее положение в российской экономике, по-прежнему несут на себе тень сомнительных актов приватизации. Полагать, что обанкроченный «ЮКОС» – некий «альбинос» или криминальное исключение на общем позитивном фоне, можно только при полном незнании реалий развития российской экономики» [18].

Во-вторых, УК РСФСР предусматривал конфискацию имущества в качестве одного из видов наказания и смертную казнь за ряд экономических преступлений, некоторые из которых были отнесены к государственным (ст. 88 «Нарушение правил о валютных операциях»). Частнопредпринимательская деятельность и коммерческое посредничество, спекуляция были запрещены по страху уголовного наказания (ст. ст. 153, 154 УК РСФСР). Уже поэтому некорректно сравнивать УК РФ и УК РСФСР: по отношению к экономическим преступлениям они в принципе несопоставимы.

В-третьих, нельзя общими показателями судимости характеризовать карательную практику в отношении экономической преступности. Основная масса преступников осуждается за общеуголовные, а не за экономические преступления (гл. 22 УК РФ), на долю которых в структуре судимости приходится 1,3% (за 2009 г.). Исследуя карательную практику за экономические преступления, можно констатировать, что в целом она характеризуется таким либерализмом, что от нее вряд ли можно ожидать какого-либо превентивно-

го эффекта. В судебной практике экономическая преступность не признается явлением, которое угрожает национальной безопасности. В практическом видении опасный преступник – это маргинал, совершающий квартирные кражи, а не делец, который использует все возможности для противоправного обогащения.

Таким образом, аргументация по поводу «тяжелого уголовно-правового положения» современного российского бизнеса имеет скорее эмоциональный характер и рассчитана на некомпетентного адресата.

В плане модернизации уголовного законодательства в сфере экономики предлагается исключить из УК ст. 171 «Незаконное предпринимательство», ст. 171.1 «Производство, приобретение, хранение, перевозка или сбыт немаркированных товаров и продукции», ст. 172 «Незаконная банковская деятельность», ст. 174.1 «Легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных лицом в результате совершения им преступления», ст. 176 «Незаконное получение кредита», ст. 177 «Злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности», ст. 178 «Недопущение, ограничение или устранение конкуренции», ст. 185.1 «Злостное уклонение от раскрытия или предоставления информации, определенной законодательством Российской Федерации о ценных бумагах», ст. 190 «Невозвращение на территорию Российской Федерации предметов художественного, исторического и археологического достояния народов Российской Федерации и зарубежных стран», ст. 191 «Незаконный оборот драгоценных металлов, природных драгоценных камней или жемчуга», ст. 192 «Нарушение правил сдачи государству драгоценных металлов и драгоценных камней», ст. 193 «Невозвращение из-за границы средств в иностранной валюте». Ст. 174 «Легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных другими лицами преступным путем» предлагается дать *в новой редакции*, исключая указание на сделку, как способ совершения данного преступления.

Такие предложения не учитывают тесную связь экономической преступности и коррупции. Во-первых, коррупционная преступность является частью экономической преступности, которую в современной криминологии называют

экономико-должностной. Во-вторых, в перечень преступлений коррупционной направленности включены ст. ст. 174, 174.1 [19]. В-третьих, главным источником коррупции в России являются сверхприбыли отечественного бизнеса. Размах и уровень бизнес-коррупции определяется, в первую очередь, возможностью бизнесменов «делиться» этой сверхприбылью с «нужными людьми» и готовностью это делать. Для получения сверхприбыли придумываются и осуществляются многочисленные финансовые махинации, включая незаконное получение кредита и злостное уклонение от кредиторской задолженности, невозвращение из-за границы средств в иностранной валюте. Если бы не было такой сверхприбыли и отечественный бизнес работал по законам стран с цивилизованной рыночной экономикой, то и показатели коррупции были бы на несколько порядков ниже. В-четвертых, международно-правовые стандарты предусматривают совершенствование законодательства по противодействию коррупции в контексте мер по борьбе с организованной преступностью. Поскольку наиболее опасная экономическая преступность в России является организованной, то совершенно непонятно, как можно эффективно осуществлять стратегию противодействия коррупции путем либерализации уголовного законодательства в сфере экономики.

Что касается легализации доходов, полученных преступным путем (ст. ст. 174, 174.1), то ее декриминализация противоречит обязательствам, взятым на себя Россией при ратификации Конвенции ООН против коррупции 31 октября 2003 г., Конвенции Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию 27 января 1999 г., Конвенции Совета Европы «Об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности» 8 ноября 1990 г., Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности.

Противоречия усматриваются и в том, что декриминализованные деяния будут трансформированы в административные правонарушения. В соответствии с позицией ГРЕКО, коррупция во всех ее формах – это серьезное преступление, которое создает угрозу для нормального функционирования демократического общества

и с которым необходимо бороться в первоочередном порядке в рамках системы уголовного производства. В связи с этим ГРЕКО рекомендует пересмотреть систему административного и уголовного производства и обеспечить порядок, при котором бы дела о коррупции рассматривались, как правило, как преступления. Следовательно, предложенная концепция модернизации уголовного законодательства в сфере экономики имеет очевидно коррупциогенный характер и противоречит международно-правовым обязательствам Российской Федерации.

Статья 34 Конвенции ООН против коррупции от 13 октября 2003 г. «Последствия коррупционных деяний» предусматривает, что с надлежащим учетом добросовестно приобретенных прав третьих сторон каждое государство-участник принимает меры в соответствии с основополагающими принципами своего внутреннего законодательства, чтобы урегулировать вопрос о последствиях коррупции. В этом контексте государства-участники могут рассматривать коррупцию в качестве фактора, имеющего значение в производстве для аннулирования или расторжения контрактов, или отзыва концессий или других аналогичных инструментов, или принятия иных мер по исправлению создавшегося положения.

Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» не содержит норм, специально направленных на минимизацию и (или) ликвидацию последствий коррупционных правонарушений. Заметим, что Закон Украины от 05.10.1995 № 356/95-ВР «О борьбе с коррупцией» [20] содержит целый раздел «Устранение последствий коррупционных действий и других правонарушений, связанных с коррупцией». В нем три статьи: ст. 13 устанавливает общий порядок возмещения убытков, ст. 14 утверждает отмену неправомερных нормативных правовых актов и решений, принятых вследствие коррупционных действий, ст. 15 говорит о возобновлении прав и возмещении убытков физическим и юридическим лицам. Думается, что выполнение Россией международно-правовых стандартов противодействия коррупции предполагает внесение соответствующих дополнений в Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции».

Список литературы

1. Конвенция ООН против коррупции // Собрание законодательства РФ. – 2006. – № 26. – Ст. 2780.
2. Конвенция Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию // Совет Европы и Россия. – 2002. – № 2. – С. 46–55.
3. Конвенция Совета Европы об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности // Собрание законодательства РФ. – 2003. – № 3. – Ст. 203.
4. Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности // Собрание законодательства РФ. – 2004. – № 40. – Ст. 3882.
5. Конвенция Совета Европы о гражданско-правовой ответственности за коррупцию // СПС «КонсультантПлюс».
6. Inter American Convention Against Corruption. – URL: <http://www.lawmix.ru/abro.php?id=7026>.
7. Конвенция о борьбе с подкупом иностранных должностных лиц при проведении международных деловых операций // СПС «КонсультантПлюс».
8. Алексеев А. Презумпция против коррупции // Законность. – 2008. – № 4.
9. Кузнецова Н.Ф. О совершенствовании уголовного закона // Российская юстиция. – 2009. – № 5.
10. Борков В. Проблемы криминализации коррупционно-обогащения в России // Уголовное право. – 2007. – № 2.
11. Доклад группы государств по борьбе с коррупцией (ГРЕКО) по Российской Федерации // Антикоррупционер. – 2009. – № 4. – С. 41–59.
12. Энцо Ло Дато. Итальянское антимафиозное законодательство: новшество и результаты // Современные разновидности российской и мировой преступности: состояние, тенденции, возможности и перспективы противодействия: сб. науч. тр. под ред. Н.А. Лопашенко. – Саратов, 2005. – С. 74–97.
13. Голик Ю. Существенная конфискация // НГ-политика. – 2010. – 5 октября.
14. Информация о проведении Комитетом Государственной думы по безопасности «круглого стола» на тему: «О реализации рекомендации Группы государств против коррупции (ГРЕКО) по вопросу введения в уголовное законодательство Российской Федерации понятия конфискации «in rem». – URL: www.duma.gov.ru/csecure
15. Концепция модернизации уголовного законодательства в экономической сфере. – URL: www.kapitalisty.ru/action/
16. Юргенс И. От суммы и от тюрьмы: предприниматель должен жить спокойно, а не ждать приезда «воронка». – URL: www.insor-russia.com/ru/news/analytics/8746
17. Латентная преступность в Российской Федерации: 2001–2006 / под ред. С.М. Иншакова. – М., 2007. – С. 273.
18. Нарышкин С.Е. Формирование институциональных предпосылок активизации инвестиционного процесса в России // Журнал российского права. – 2007. – № 1. – С. 7.
19. О введении в действие Перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности: Указание Генпрокуратуры РФ № 399/11, МВД РФ № 1 от 28.12.2009 (ред. от 30.04.2010) // СПС «Гарант».
20. Про боротьбу з корупцією: Закон України от 05.10.1995 № 356/95-ВР. – URL: search.ligazakon.ua/l_doc2.nsf/link1/Z950356.html

В редакцию материал поступил 15.10.10

Ключевые слова: антикоррупционные стандарты, противодействие коррупции, незаконное обогащение, конфискация «in rem», декриминализация экономических преступлений, ликвидация последствий коррупции.

КОНВЕНЦИЯ ООН ПРОТИВ КОРРУПЦИИ – это многосторонний международно-правовой документ, отражающий природу коррупции, предлагающий разнообразные меры борьбы с этим явлением.

Она была принята Генеральной Ассамблеей ООН (резолюция № A/RES/58/4 от 21 ноября 2003 г.).